

ФАЗОВАЯ ДИНАМИКА МИРОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОНЪЮНКТУРЫ (середина XX – начало XXI в.)

С. В. Кобзева

Сравнительный анализ фаз мировой политической нестабильности (динамики переворотов) и фаз мировой экономической конъюнктуры, волн демократизации демонстрирует существенное сходство. Очевидно, что волны демократизации XX и XXI вв. точно накладываются на длинные волны экономической конъюнктуры, выделенные Н. Кондратьевым и его последователями. Анализ показывает, что в течение четырех волн демократизации откаты процесса демократизации приходятся на пики или спады циклической динамики экономической конъюнктуры – временные промежутки, в рамках которых происходила смена волновой динамики цикла. Именно в эти переломные моменты, согласно ходу исторических событий XIX–XX вв., происходил резкий откат демократических тенденций развития и усиление авторитаризма. Сравнительный анализ структурно-демографических показателей африканских стран позволил осуществить прогнозирование политической нестабильности в Африке до 2050 г. и выявить страны, в наибольшей степени подверженные угрозе дестабилизации политической системы.

Исследование 310 международных конфликтов между 1945 и 1974 гг., проведенное Баттеруортом (Butterworth 1976), выявило, что в 82 % случаев присутствовала одна из форм посредничества. По данным одного из ведущих исследователей международного посредничества Я. Берковича, с 1950 по 1990-е гг. общее число посреднических мандатов в мире выросло в 5 раз. Данные свидетельствуют о том, что, хотя государства по-прежнему остаются крупнейшими участниками миротворческой деятельности, активность международных организаций, несмотря на ее снижение после пика в 1960-е гг., остается стабильно высокой. Важно учитывать то, что

процент успешно реализованных мандатов международных правительственных организаций (МПО) практически равен аналогичному показателю национальных государств и составляет около 35 % от общего числа мандатов (Bercovich, Houston 2000).

В современной системе международных отношений возрастающую роль в деятельности по управлению конфликтами осуществляют наряду с государствами многочисленные сети правительственных и неправительственных (некоммерческих) организаций, а также частные лица, реализующие стратегии интервенции в предконфликтные, конфликтные и постконфликтные контексты. Современные акторы миротворческой деятельности обладают ресурсами для осуществления деятельности по управлению конфликтом на всех стадиях его развития, структуры ООН наделены широкими полномочиями по гуманитарной и военной интервенции в конфликтный контекст (Громько 2005). Деятельность миротворческих акторов подразделяется на специализации, охватывающие все стадии динамики конфликта: от мониторинга, раннего предупреждения конфликта, его управления и урегулирования до построения, поддержания мира и постконфликтной реконструкции (Wam, Sardesai 2003).

В переговоры по урегулированию современных конфликтов вовлечены государства – лидеры «Большой двадцатки» (G20), Организация Объединенных Наций (ООН), многочисленные международные неправительственные организации (Красный Крест, Международная Амнистия), авторитетные государственные деятели (Джимми Картер, Шимон Перес) и представители гражданской дипломатии. Важно учитывать то, что государства, как правило, являются участниками переговорного процесса и посредничества по урегулированию конфликта, международные структуры и неправительственные организации наиболее активно реализуют стратегии по раннему предупреждению, трансформации конфликта и постконфликтной реконструкции.

Современная миротворческая деятельность осуществляется в рамках концепции ООН, утвердившейся в 1990-е гг. и основывающейся на понимании значимости социального мира как стратегической составляющей мира политического (программа ЮНЕСКО «На пути к культуре мира и демократии»). Программа ЮНЕСКО способствовала утверждению на мировой арене консенсуса по вопросам приоритета гуманистических ценностей – толерантности, ненасилия, социального мира и социальной справедливости, основных

прав и свобод личности. Данная концепция апеллирует в первую очередь не к вопросам контроля над вспышками насилия, а к возобновлению эффективного функционирования правительства и гражданского общества: деятельность по построению/поддержанию мира рассматривается прежде всего как предотвращение кризисов, приводящих к эскалации насилия, посредством широкой демократической коалиции гражданских сил, основанной на культуре мира, консенсуса и ненасилия. В этом проявляется либеральная составляющая концепции – как долгосрочной стратегии, направленной на развитие гражданского общества.

Начало исследований международного посредничества датируется 1960-ми гг. Основу заложили работы Э. Хааса (Haas 1968; 1986), специализировавшегося на усилиях международных организаций по контролю за конфликтами посредством посредничества и мер коллективной безопасности. Исследования Хааса в значительной степени сконцентрированы на посреднической деятельности по урегулированию региональных конфликтов. Это направление позднее было развито Р. Наем, Р. Баттеруортом, М. Скрантоном (Haas *et al.* 1972).

Исследование Р. Баттерверфом посреднических усилий национальных государств и организаций, не включенных в стратегию коллективной безопасности, расширенное впоследствии Ф. Шерманом, Л. Ником и Х. Алкером (Sherman, Neack 1993; Alker, Sherman 1982), легло в основу базы данных SHERFACS. Значимым источником данного периода является также база данных CASCON, созданная Л. П. Блумфилдом и его последователями (Bloomfield, Leiss 1969; Bloomfield, Moulton 1997), в рамках которой осуществлено кодирование кризисных фаз и категоризация видов посредничества, разработанных в концепции Э. Хааса, Р. Баттеруорта, Ф. Шермана.

На протяжении 1990-х гг. развернутый количественный анализ посредничества был сделан в работах Я. Берковича и его последователей – Дж. Анагнсона, Р. Велса, А. Хьюстона, Дж. Шнейдера и др. (Bercovitch *et al.* 1991; Bercovitch, Wells 1993; Bercovitch 1996a; 1996b; Bercovitch, Houston 1996; Trappl *et al.* 1997; Bercovitch, Schneider 2000; Bercovitch, Houston 2000). Созданная ими база данных посреднических усилий в 295 конфликтах за период 1945–1999 гг. основывается на применении статистических методов анализа типов и ключевых характеристик посредничества. Существует ряд других проектов, основанных на меньших базах данных и сфо-

кусированных на ограниченном числе конфликтов. Например, Р. Айрес (Ayres 1997) исследовал количественную динамику изменения имиджа в рамках трех конфликтов; М. Мурадиан и Д. Дракман (Moogadian, Druckman 1999) применили данную методику для исследования шести посреднических миссий в Нагорном Карабахе. Д. Кармент и Д. Роуландс (Carment, Rowlands 1998) применили и развили методику теории игр для сравнительного анализа шести кризисов 1990-х гг.

Исследователь М. Кэлдор предложила анализировать современную деятельность по построению/поддержанию мира и мирному урегулированию конфликтов в рамках концепции глобального управления, под которым понимается мировой порядок, реализуемый международными, локальными/региональными правительственными и неправительственными организациями вне рамок национальных государств. В данной концепции современные многофункциональные миротворческие миссии рассматриваются как пример глобального управления вследствие того, что они реализуются посредством сетей военных и гражданских акторов (Kaldor 1999). Современная система международных отношений демонстрирует высокую уязвимость в отношении систематических всплесков насилия, одновременно внутригосударственного и межгосударственного характера. Серии кровопролитных актов геноцида в Югославии в 1992–1995-х гг. и Руанде в 1994 г. ярко продемонстрировали способность мирового сообщества, в частности миротворческих миссий, предотвращать катастрофы подобного масштаба. Тем не менее следует отметить сверхзначимость постконфликтной миротворческой деятельности ООН и других акторов после 1995 г., тренд конфликтной динамики в мире сменил повышательную тенденцию роста на понижательную направленность (см. Рис. 1 и 2).

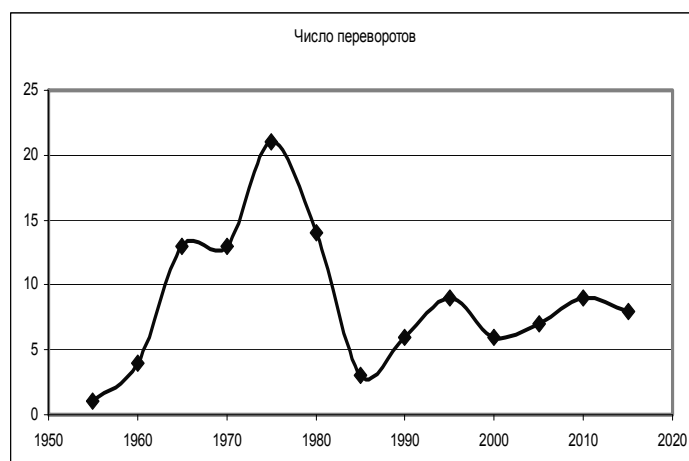
Данные, отраженные на Рис. 2, свидетельствуют о фазовой динамике развития конфликтов на мировой арене. После Второй мировой войны мир вступил в фазу эскалации межгосударственных конфликтов в Африке (Алжир и Чад в 1965 г., Уганда в 1966 г., Эфиопия в 1969 г.), конфликтов в Сирии (1961 г., 1965 г.), Пакистане (1965 г., 1968–1971 гг.), Аргентине (1969 г.), Гватемале, на Гаити (1967–1968 гг.), в Испании (1959 г.), Камбодже (1965–1969 гг.), в Колумбии (1954 г.), Лаосе (1965–1975 гг.), Мьянме (1960 г.), Судане (1955 г.), Турции (1960 г.), на Филиппинах (1968 г.), которая в период «разрядки» в холодной войне 1970-го г. сменяется фазой деэскалации, продолжающейся примерно до середины 1980-х гг. и переходящей в фазу роста политической нестабильно-

сти в мире во время перестройки середины 1990-х гг. (конфликты между Арменией и Азербайджаном в 1988–1989 гг., в Бангладеш и на Гаити в 1985–1986 гг., в Ираке в 1987–1988-е гг., в Африке (Анголе, Мали, Сомали, Уганде, Чад) в 1980-е гг., Эфиопии в 1984 г.; в Парагвае и в СССР в 1989 г.), после которой до настоящего момента происходит устойчивый спад числа конфликтов в мире (см. Рис. 2).

Рис. 1. Интенсивность и динамика конфликтов в мировой политической системе (1950–2010 гг.)

Источник: FEWER 2008.

Рис. 2. Фазы в динамике числа переворотов в мире (1950–2010 гг.)

Источник: *Ibid.*

На основании данных динамики переворотов в мире, представленных на Рис. 3, можно сделать вывод, что длительность каждой фазы динамики существенно различается: вслед за короткой латентной фазой послевоенного периода 1955–1958 гг. следует длительная, продолжающаяся до 1965 г. фаза эскалации, затем следует флуктуация и небольшой спад числа переворотов, который после 1970 г. вновь сменяется ростом политической нестабильности в мире. После прохождения кризисного пика во время «разрядки» в холодной войне в 1975 г. начинается длительный этап деэскалации политической нестабильности, который начиная с перестройки середины 1980-х гг. вновь сменяется ростом числа переворотов в мире. После краха СССР наступает новый виток спада международной политической нестабильности, продолжающийся до 2000-х гг. и прерванный ростом политической напряженности в Арабском мире периода «арабской весны».

Рис. 3. Число переворотов в мире по десятилетиям (1960–2014 гг.).

Источник: База данных мировой политической нестабильности 2008¹.

Критической точкой в динамике числа конфликтов и переворотов в мире стал крах биполярной мировой системы во время холодной войны, падение идеологических и реальных границ (Берлинская

¹ Методология Департамента UN Department of Economic and Social Affairs 2008.

стена), отделяющих государства – союзников СССР от демократического мира, что ознаменовалось резким переходом многих стран бывшего коммунистического лагеря на путь демократического транзита, сопровождавшегося резкой либерализацией экономики по западному образцу. В подавляющем большинстве случаев стремительная либерализация и демократизация привели к острому социально-экономическому и политическому кризису, а также затяжному регрессу. Причиной этого стало отсутствие в реформируемых странах правовой культуры и законодательной базы, демократических традиций и либеральных ценностей, имеющих столетние корни во многих демократических государствах.

Однако тот затяжной социально-экономический и политический кризис, который охватил постсоветское пространство в течение 1990-х гг., ознаменовался более глубокими противоречиями. Крах государственности на постсоветском пространстве и последовавший за ним «парад независимости», в результате которого многие бывшие республики СССР получили суверенитет, породили массу проблем и противоречий – межгосударственных столкновений (Армения и Азербайджан из-за Нагорного Карабаха), межэтнических конфликтов и территориальных споров (Чечня, Грузия-Абхазия, Косово).

Первая волна демократизации началась после Первой мировой войны, достигла своего пика к 1919–1920 гг., ознаменовавшись созданием Лиги Наций, и завершилась в 30-е гг. XX в. откатом, вызванным установлением авторитарных режимов в Германии, Италии, Испании и Японии, что соответствует понижательной волне третьего цикла Н. Кондратьева. Импульсом к развитию второй волны демократизации стало окончание Второй мировой войны, крах фашизма в Германии, милитаризма в Японии и последовавшие за ними восстановление демократических форм правления в Западной Германии, Франции, Голландии, Дании, Бельгии и в ряде других стран Западной Европы, распад колониальных империй и начавшаяся демократизация постколониального мира (Пляйс 2009). Фактическое завершение второй волны демократизации произошло в начале 60-х гг. XX века вследствие резкого обострения международной напряженности во время Берлинского (1961 г.) и Карибского (1962 г.) кризисов холодной войны. Таким образом, вторая волна демократизации накладывается на повышательную волну четвертого кондратьевского цикла.

Третья волна демократизации соотносится с понижательной волной четвертого цикла Кондратьева и охватывает период с сере-

дины 1970-х гг., соответствующий «разрядке» международной напряженности в рамках Хельсинского процесса. На эту волну приходится демократизация ряда стран Южной Европы (Португалия, Испания, Греция) и Латинской Америки (Чили, Уругвай, Аргентина, Бразилия), а также весьма неоднозначные процессы политических потрясений в странах Азии и Африки (Иран, Эфиопия и др.).

Наконец, четвертая волна демократизации открывается советской перестройкой конца 80-х – начала 90-х гг. XX века и «бархатными» революциями в странах Центрально-Восточной Европы. Она распространяется на многие страны мира вплоть до юга Африки (ЮАР), Латинской Америки (Парагвай) и Азии (Индонезия), совпадая с повышательной волной пятого цикла Кондратьева, которая после мирового финансово-экономического кризиса 2008 г. сменяет свою направленность на понижательную.

Табл. 1. Циклы Н. Д. Кондратьева, «посткондратьевские» циклы и волны демократизации

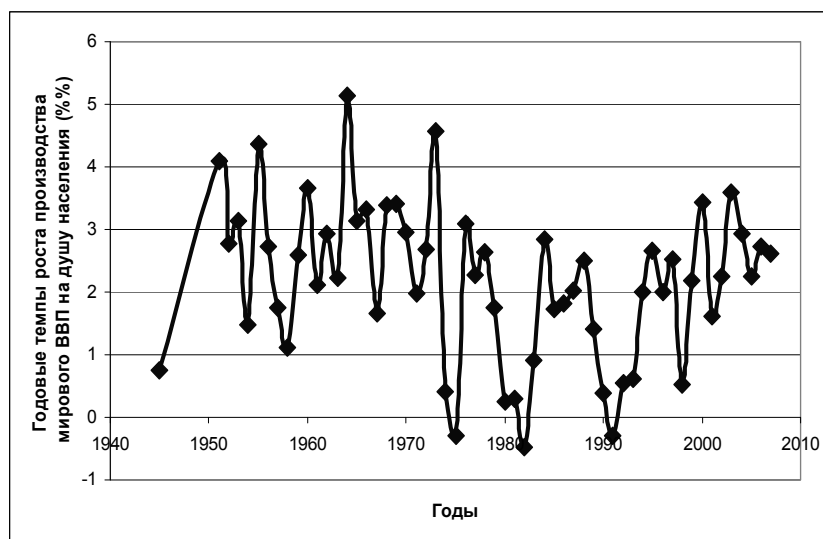
Цикл	Повышательная волна	Понижательная волна
I	Конец 1780-х – 1810–1817 гг.	С 1810–1817 гг. до 1844–1851 гг.
II	С 1844–1851 гг. до начала 1870-х гг.	С начала 1870-х до середины 1890-х гг.
III	С середины 1890-х до 1914–1921 гг.	С 1914–1921 до середины 1940-х гг. I волна демократизации
IV	С середины 1940-х до 1968–1974 гг. II волна демократизации	С 1968–1974 до начала 1980-х гг. III волна демократизации
V	С начала 1980-х до 2005–2010 гг. IV волна демократизации	С 2005–2008 до 2017–2020 гг. (?)

Источник: База данных мировой политической нестабильности.

В настоящее время в соответствии с теорией длинных волн мирового экономического развития Н. Д. Кондратьева (Кондратьев 1922; 1925; 2002; Кондратьев, Опарин 1928; Акаев 2010; Коротаев, Цирель 2010а; 2010б; Kondratieff 1935; Yakovets 2006) мир находится на пятой волне, соответствующей эпохе информации и телекоммуникаций. Смена технологического уклада на глобальном

уровне привела в действие колоссальные инновационные силы общества, породила процессы модернизации образования, его демократизации и европеизации на всех уровнях. Следует отметить, что смена технологического уклада наряду с позитивными изменениями в обществе, возникающими вследствие внедрения новейших технологий, привела к конфликту традиционных ценностей (религиозных, этнических, семейных) и ценностей модернизации (см., например: Тищенко и др. 2011), что в свою очередь способствовало новому витку политической нестабильности (вспышки конфликтов и политических переворотов в мире в конце 1990-х – начале 2000-х гг.) (см. Табл. 1, Рис. 4).

Рис. 4. Динамика годовых темпов роста производства мирового ВВП на душу населения (в %%)

Источник: Коротаяев, Цирель 2010б: 225, Рис. 11.

Сравнение фаз мировой политической нестабильности (динамики переворотов) и мировой экономической конъюнктуры, волн демократизации демонстрирует существенное сходство. Таким образом, очевидно, что волны демократизации XX и XXI вв. точно накладываются на длинные волны экономической конъюнктуры, выделенные Н. Кондратьевым и его последователями. Анализ показывает, что во всех четырех случаях откаты процесса демократизации приходятся на пики или спады циклической динамики экономической

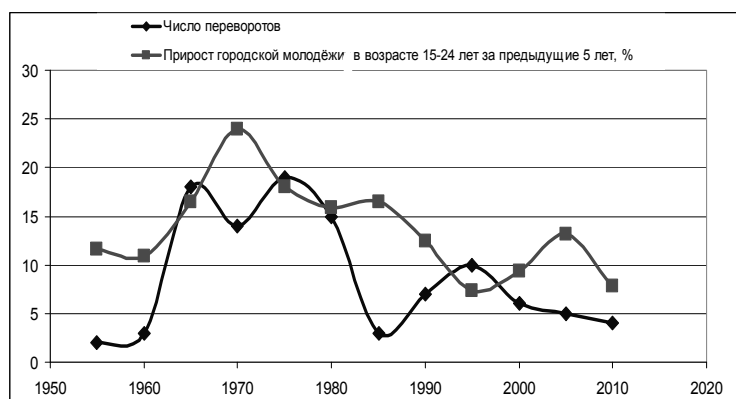
конъюнктуры – временные промежутки, в рамках которых происходит смена волновой динамики цикла. Именно в эти переломные моменты, согласно ходу исторических событий XIX–XX вв., происходит резкий откат демократических тенденций развития и усиление авторитаризма (см. Табл. 1, Рис. 1).

Таким образом, возникновение новых угроз и изменение характера конфликтов способствовали формированию на международной арене глобальной концепции по построению/поддержанию мира, реализуемой сетями международных неправительственных организаций под эгидой ООН и других глобальных структур, которая в целом доказала свою действенность в современном мире. Несмотря на это, международная система обладает высокой уязвимостью перед лицом внешних и внутренних конфликтов по сравнению с послевоенным периодом 1950-х гг. Наложение фаз мировой политической нестабильности (динамики переворотов) и фаз мировой экономической конъюнктуры на волны демократизации свидетельствует о зависимости внутривнутриполитического конфликтного развития государств от мировой экономической конъюнктуры.

Структурно-демографические и социальные детерминанты мировой политической нестабильности

Анализ, мониторинг конфликтов и прогнозирование их эскалации, осуществленное на основании сравнительных лонгитюдных исследований данных о числе и интенсивности насильственных акций, кросс-культурных показателей социально-экономического и политического развития (Кобзева 2009; Khaltourina, Kobzeva 2010: 19–35), математического моделирования длительных трендов мировой динамики (Форрестер 1978; Коротаев и др. 2005а, 2005б; Коротаев и др. 2007; Коротаев 2006; 2007; Коротаев, Божевольнов 2010; Халтурина, Коротаев 2010; Халтурина и др. 2010; Садовничий и др. 2012), процессов взаимодействия центра и периферии (Коротаев, Халтурина, Божевольнов 2010; Малков и др. 2010; Малков, Коротаев, Божевольнов 2010), позволил построить прогностическую модель закономерностей динамики политической нестабильности в странах мира на завершающем этапе индустриализации и развития постиндустриализма (в 20-е гг. XX в.), согласно которой фазовая динамика политической нестабильности в мире обусловлена факторами демографического перехода (ростом ожидаемой продолжительности жизни, радикальным снижением смертности и через определенный промежуток времени – снижением показателей

рождаемости) и выхода из «мальтузианской ловушки»² (Коротаев и др. 2010; Коротаев, Халтурина и др. 2011; Коротаев и др. 2011а, 2011б; Коротаев, Ходунов и др. 2012) – возникновения политических потрясений вследствие резкого увеличения численности городской молодежи, роста потребления продовольствия (на человека в день) и производительности сельского хозяйства (см. Рис. 5 и Табл. 2).

Рис. 5. Мировая динамика переворотов и численности городской молодежи (1955–2010 гг.)

Источник: База данных мировой политической нестабильности.

Табл. 2. Корреляция между числом переворотов в мире и приростом численности городской молодежи (1955–2010 гг.)

Корреляция		Перевороты
Молодежь	Коэффициент корреляции Пирсона	0,695*
	Статистическая значимость	0,012
	<i>N</i>	12

* Примечание: Значимость корреляции менее 0,05 (2-сторонняя).

Источник: World Bank 2014.

² О мальтузианской ловушке и выходе из нее см., например: Коротаев, Халтурина и др. 2011; Гринин и др. 2008; 2009; Гринин, Коротаев 2012; Коротаев, Зинькина 2010; Коротаев, Ходунов и др. 2012.

Согласно данным (Рис. 5 и Табл. 2), методом статистического анализа выявлена сильная статистическая зависимость (корреляция 0,695) между факторами прироста молодежи (в % за предыдущие 5 лет) и числом переворотов в мире. Следует отметить, что корреляция между темпами прироста численности городской молодежи и интенсивностью внутренних насильственных конфликтов была выявлена нами в предыдущем кросс-национальном исследовании, результаты которого показали, что вспышкам вооруженных конфликтов с высокой вероятностью подвержены страны, в которых рост численности городской молодежи превышает 30 % за пятилетие; после того как показатель превысит 45 % по стране, избежать таких потрясений соответствующим государствам оказывается предельно сложно.

Тенденции развития африканских государств согласно эмпирическим данным динамики численности городской молодежи и числа переворотов в отдельных странах в значительной степени подтверждает выявленную посредством математического моделирования закономерность зависимости между двумя данными показателями с тем существенным отличием, что понижательный тренд начинается с 1965 г. и продолжается по 2000 г., в это время происходило снижение: числа городской молодежи от 15 до 24 лет в процентном отношении к общей численности населения; ВВП на душу населения; количество переворотов. В целом в указанный период можно отметить устойчивую соответствующую общемировому тренду динамику снижения числа переворотов, численности молодежи и роста ВВП в Африке (см. Табл. 3).

Табл. 3. Численность молодежи и число переворотов в Африке (1965–2010 гг.).

Год	Африка, число молодежи 15–24 (%)	Число переворотов	ВВП	ВВП на душу населения
1	2	3	4	5
1965	28,5	7	380 229	
1970	27,5	6	488 562	
1975	26,4	6	580 788	
1980	25,9	5	724 036	8562,372692
1985	24,2	1	799 215	8066,650274
1990	23,5	1	902 204	7792,456963
1995	24,1	1	966 871	7319,207131
2000	22,3	3	11 703 703	8806,649769

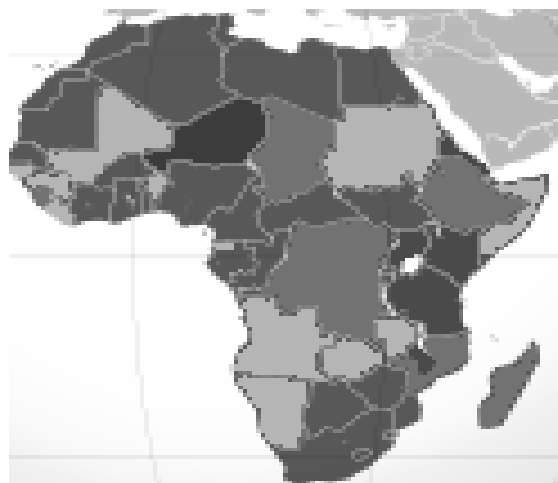
Источник: World Bank 2014, UNDP 2006a.

Сравнительный анализ структурно-демографических показателей африканских стран позволил осуществить прогнозирование политической нестабильности в Африке до 2050 г. (Коротаев и др. 2010; 2011a) и выявить страны, в наибольшей степени подверженные угрозе дестабилизации политической системы (см. Рис. 5).

Фактор социально-демографического развития является релевантным предиктором флуктуаций мировой политической нестабильности и экономической конъюнктуры. Следует выделять в качестве первопричины возникновения политических переворотов, революций, конфликтов и войн социально-демографические и политические противоречия, возникающие как следствие смены технологического уклада на глобальном уровне – экономическое неравенство, коррупцию, рост цен на продовольствие.

Например, правительствам Египта и Туниса накануне революционных потрясений 2000-х гг. удалось преодолеть крайнюю бедность и войти по этому показателю в группу наиболее благополучных государств (Словения, Эстония, Марокко, Венесуэла, Мексика, Бразилия) (World Bank 2014). Несмотря на это, уровень неравенства в Египте в предреволюционные годы колебался на достаточно высоком уровне (30–33 пункта по индексу Джинни) и оставался значимым по сравнению с наиболее развитыми государствами мира (Скандинавскими странами, Японией, Германией). Неравенство в Тунисе сохраняло высокие по мировым рейтингам показатели (на уровне такой высокоразвитой страны, как США, а также Марокко, Китая, Грузии), по этому показателю Тунис находится на одном уровне с Ираном – государством, в котором произошли политические потрясения в начале 2000-х гг. (*Ibid.*).

Вклад фактора образования в возникновение и развитие конфликтов и политических потрясений, несмотря на практически полное отсутствие внимания со стороны ученых, является значимым. Многие страны мира, в которых смертность от конфликтов в XX в. превысила 1000 человек, характеризуются крайне высоким уровнем неграмотности: Судан, Непал, Индия, Уганда, Афганистан (исключение составляют Россия – государство с развитой системой образования, а также Колумбия и Таиланд – страны с относительно развитой системой образования) (см. Табл. 4).

Рис. 6. Прогноз структурно-демографических рисков политической нестабильности в странах Африки на период с 2021 по 2030 г.³

Источник данных: Коротаяев и др. 2010.

Анализ стран, в которых в конце XX – начале XXI в. произошли политические перевороты, показывает, что момент вспышки политических потрясений совпадает не только с существенным ростом численности молодежи, особенно городской (так называемым “молодежным бугром”) (Коротаяев и др. 2010; Коротаяев и др. 2011а), но и пиками роста образования молодежи (Коротаяев, Зинькина 2011; Коротаяев, Малков и др. 2012; Коротаяев, Ходунов и др. 2012).

³ Примечание: уровень структурно-демографического риска рассчитан исходя из темпов роста городской молодежи в %% за пятилетие в данные годы: очень высокий – Нигер (41,8); высокий – Малави (39); Буркина-Фасо (38,7); Уганда (33,1); Эритрея (32,5); Танзания (30,6); Кения (30,2); средний – Руанда (29,6), Чад (28,5), Бурунди (28,1), ДРК (27,7), Мозамбик (27,4), Сомали (27,4), Эфиопия (26,7); Гамбия (26,5), Сьерре-Леоне (25,4), Мадагаскар (25,2); низкий – Гвинея (24,2), Мали (24,1), Зимбабве (23,5), Бенин (22,6), Коморские острова (22,6), Судан (22,4), Замбия (22,3), Намибия (22), Экваториальная Гвинея (21,6), Ангола (21,5), Гвинея-Биссау (21,5), Либерия (21,2).

Табл. 4. Неграмотность и смертность от конфликтов в мире

Страны	Неграмотность	Смертность от конфликтов
Чад	451	~110
Иран	759	~120
Мьянма	779	~128
Индонезия	630	~180
Бурунди	514	~300
Шри-Ланка	93	~330
Филлипины	128	~450
Алжир	553	~500
Эфиопия	5491	~641
Израиль	3	~927
Судан	1226	~1000
Таиланд	94	~1000
Колумбия	186	~1020
Россия	47	~1300
Афганистан		~1400
Непал	1709	~1848
Индия	49242	~2308
Уганда	968	~4000

Источник: FEWER 2008; UNESCO Institute for Statistics 2002.

В Алжире накануне политических потрясений в конце 1980-х гг. грамотность молодежи (людей от 15 до 24 лет) достигла 74,32 %, в Египте накануне революции в 2011 г. грамотность молодежи приблизилась к 90 % (87,50 %), в Тунисе к началу революции в 2010 г. – 97,15 %, в Сирии к началу войны 2012 г. – 95,28 %. Для сравнения в Израиле уже в 1983 г. грамотность молодежи составляла почти 100 % для мужчин (99,05 %) и 98,04 % для женщин. В Советском Союзе к 100 % грамотности молодежи удалось приблизиться только в 1989 г. к перестройке, в Иране – к 2008 г. 99 % (98,65 %) в преддверие политической нестабильности 2009 г. На Украине грамотность незначительно снизилась по сравнению с 2001 г. (на 0,03 %) и приблизилась к 100 % только в 2011 г. в преддверие политических потрясений 2013–2014 гг., составив 99,77 %.

Существенным является то, что большинство политических переворотов в мире происходили на фоне относительно невысокой без-

работицы (в % от трудового населения): в Египте в 2012 г. – 12 %; Алжире к 1990-м гг. – 20 %, Иране – рост до 13,1 %; Тунис к 2013 г. – 12,8 %, Россия – 5,2 % в 1993 г., Украина – 7,7 % в 2013 г. (для сравнения в Германия к 2013 г. – 5,4 %); в Египте безработица выросла к 2013 г. до уровня 11,2 %; и недостаточно высокого уровня занятости молодежи: на Украине – 33,9 %; Сирии – 24 %, Алжире – около 20 % (для сравнения в Австрии в 2012 г. она составила 54,6 %, Израиле – 43,7 %, Катаре – 67,4 %, при том что наиболее высокие показатели зафиксированы у слаборазвитых стран – в Руанде, Камбодже, Непале).

Табл. 5. Грамотность по выбранным странам мира

Страна	Год	Безработица молодежи	Грамотность молодежи общая (в % от населения 15–24 лет)	Грамотность мужчин (в % от мужчин 15–24 лет)	Грамотность женщин (в % от женщин 15–25 лет)
1	2	3	4	5	6
Алжир	1987	20%	74,32	86,23	62,21
Египет	2012		87,50	92,35	86,05
Иран	2008		98,65	98,78 %	98,51 %
Израиль	1983		98,56	99,05	98,04
Сирия	2011	24 %	95,28	96,36	94,10
Тунис	2010		97,17	98,21	96,09
Россия (СССР)	1989		99,71	99,69	99,74
Украина	2011	33,9	99,77	99,73	99,81

Источник: World Bank 2014.

Таким образом, математическая модель, сконструированная на основании кросс-культурного исследования данных, показала, что наиболее значимым фактором политической нестабильности является прирост численности молодежи; высокочисленным предиктором является образование молодых людей. Сравнительный анализ структурно-демографических показателей африканских стран позволил осуществить прогнозирование политической нестабильности в Африке до 2050 г. и выявить наиболее уязвимые страны (Малави, Буркина-Фасо, Уганда, Кения, Танзания).

* * *

Ситуация на международной арене со времени окончания холодной войны демонстрирует одновременно небывалый всплеск межнациональных конфликтов и подъем посреднической деятельности по их урегулированию, реализуемой в рамках концепции ООН, высокую уязвимость в отношении систематических всплесков насилия, одновременно внутрисударственного и межгосударственного характера. Крах коммунистического блока, падение идеологических и реальных границ, отделяющих государства коммунистического блока от демократического мира, ознаменовалось переходом многих государств бывшего социалистического лагеря на путь демократического транзита, сопровождавшегося резкой либерализацией экономики по западному образцу. В подавляющем большинстве случаев стремительная либерализация и демократизация привели к острому социально-экономическому и политическому кризису в данных странах, а также затяжному регрессу.

Сравнительный анализ фаз мировой политической нестабильности (динамики переворотов и конфликтов) и фаз мировой экономической конъюнктуры, волн демократизации демонстрирует практически полное сходство. Очевидно, что волны демократизации XX и XXI вв. точно накладываются на длинные волны экономической конъюнктуры, выделенные Н. Д. Кондратьевым и его последователями. Анализ показывает, что в течение четырех волн демократизации откаты процесса демократизации приходятся на пики или спады циклической динамики экономической конъюнктуры – временные промежутки, в рамках которых происходила смена волновой динамики цикла. Именно в эти переломные моменты, согласно ходу исторических событий XIX–XX в., происходил резкий откат демократических тенденций развития и усиление авторитаризма.

Длительный анализ мировых трендов развития доказывает, что предпосылками возникновения революционных ситуаций в отдельных государствах, а также внутри- и межгосударственных конфликтов являются флуктуации фазовой динамики мирового политического развития и экономической конъюнктуры (смена технологического уклада на мировом уровне), которые порождают глубинные противоречия в обществе вследствие действия инновационных процессов ускоренного экономического роста и его неизбежных негативных последствий, мировых экономических кризи-

сов и стагнации мировой экономики – неравенства, безработицы, коррупции.

Статистический анализ данных мирового развития и динамики мировой политической нестабильности доказывает, что наибольший вклад в данную волновую динамику мирового развития вносит фактор численности, образования, занятости молодежи (в особенности городской молодежи) вследствие высокой мобильности, социально-политической активности, экономической и социальной уязвимости и зависимости от мировых трендов, подверженности влиянию инноваций, особенно в сфере высоких технологий (*high tech*) и образования. Следует отметить, что ведущую роль молодежи в политических потрясениях и насилии на протяжении всей письменной истории отмечает выдающийся теоретик политической конфликтологии Дж. Голдстоун (Goldstone 1991; 2002).

Сравнительный анализ структурно-демографических показателей африканских стран позволил осуществить прогнозирование политической нестабильности в Африке до 2050 г. и выявить страны, в наибольшей степени подверженные угрозе дестабилизации политической системы.

Библиография

- Акаев А. А. 2010.** Современный финансово-экономический кризис в свете теории инновационно-технологического развития экономики и управления инновационным процессом. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*. Т. 1. С. 230–258.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2012.** *Циклы, кризисы, ловушки современной Мир-Системы. Исследование кондратьевских, жюгляровских и вековых циклов, глобальных кризисов, мальтузианских и постмальтузианских ловушек*. М.: ЛКИ/URSS.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Малков С. Ю. 2008.** Математические модели социально-демографических циклов и выхода из мальтузианской ловушки: некоторые возможные направления дальнейшего развития. *Проблемы математической истории. Математическое моделирование исторических процессов* / Ред. Г. Г. Малинецкий, А. В. Коротаев. М.: ЛИБРОКОМ/URSS. С. 78–117.
- Гринин Л. Е., Малков С. Ю., Гусев В. А., Коротаев А. В. 2009.** Некоторые возможные направления развития теории социально-демографических циклов и математические модели выхода из «мальтузианской ловушки». *История и Математика: процессы и модели* / Ред. С. Ю. Малков, Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев. М.: ЛИБРОКОМ/URSS. С. 134–210.
- Громько А. А. 2005.** Мораль и право в международных отношениях: теория и практика гуманитарных интервенций. *Мировой порядок или беспорядок*. М. С. 34–42.
- Кобзева С. 2009.** *Противодействие распространению агрессивной информации: мировой опыт*. М.: УРСС.

- Колесова Л.** 1992. Причины современных межэтнических и межконфессиональных конфликтов. *Общественные науки и современность* 4: 117–120.
- Кондратьев Н. Д.** 1922. *Мировое хозяйство и его конъюнктура во время и после войны*. Вологда: Областное отделение Государственного издательства.
- Кондратьев Н. Д.** 1925. Большие циклы конъюнктуры. *Вопросы конъюнктуры* 1/1: 28–79.
- Кондратьев Н. Д.** 2002. *Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения*. М.: Экономика.
- Кондратьев Н. Д., Опарин Д. И.** 1928. *Большие циклы конъюнктуры. Доклады и их обсуждение в Институте экономики*. М.: Институт экономики РАНИОН.
- Коротаев А. В.** 2006. Периодизация истории Мир-Системы и математические макромоделли социально исторических процессов. *История и Математика: Проблемы периодизации исторических макропроцессов* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков. М.: УРСС. С. 116–167.
- Коротаев А. В.** 2007. Макродинамика урбанизации Мир-Системы: количественный анализ. *История и Математика: Макроисторическая динамика общества и государства* / Ред. С. Ю. Малков, Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев. М.: КомКнига/URSS. С. 21–39.
- Коротаев А. В., Гринин Л. Е., Божевольнов Ю. В., Зинькина Ю. В., Кобзева С. В.** 2011а. К прогнозированию рисков политической неустойчивости в странах Африки на период до 2050 г. *Проекты и риски будущего. Концепции, модели, инструменты, прогнозы* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков. М.: ЛИБРОКОМ/URSS. С. 357–379.
- Коротаев А. В., Гринин Л. Е., Божевольнов Ю. В., Зинькина Ю. В., Малков С. Ю.** 2011б. Ловушка на выходе из ловушки. Логические и математические модели. *Проекты и риски будущего. Концепции, модели, инструменты, прогнозы* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков. М.: Красанд/URSS. С. 138–164.
- Коротаев А. В., Божевольнов Ю. В.** 2010. Некоторые общие тенденции экономического развития Мир-Системы. *Прогноз и моделирование кризисов и мировой динамики* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий. М.: ЛКИ/URSS. С. 161–171.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В.** 2010. Прогнозирование социополитических рисков: ловушка на выходе из мальтузианской ловушки. *Информационный бюллетень ассоциации История и Компьютер*. Т. 36. С. 101–102.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В.** 2011. Египетская революция 2011 года: социодемографический анализ. *Историческая психология и социология истории* 4(2): 5–29.
- Коротаев А. В., Комарова Н. Л., Халтурина Д. А.** 2007. *Законы истории. Вековые циклы и тысячелетние тренды. Демография. Экономика. Войны*. М.: КомКнига/УРСС.
- Коротаев А. В., Малков А. С., Халтурина Д. А.** 2005а. *Законы истории: Математическое моделирование исторических макропроцессов. Демография. Экономика. Войны*. М.: КомКнига/URSS.
- Коротаев А. В., Малков А. С., Халтурина Д. А.** 2005б. Компактная математическая макромоделль технико-экономического и демографического развития Мир-Системы (1–1973 гг.). *История и синергетика: Математическое моделирование социальной динамики* / Ред. С. Ю. Малков, А. В. Коротаев. М.: КомКнига/URSS. С. 6–48.

- Коротаев А. В., Малков А. С., Халтурина Д. А., Кобзева С. В., Божевольнов Ю. В., Зинькина Ю. В. 2010. *Законы истории. Математическое моделирование и прогнозирование мирового развития*. М.: КомКнига.
- Коротаев А. В., Малков С. Ю., Бутова А. Н., Зинькина Ю. В., Ходунов А. С. 2012. Ловушка на выходе из ловушки. Математическое моделирование социально-политической дестабилизации в странах мир-системной периферии и события Арабской весны 2011 г. *Моделирование и прогнозирование глобального, регионального и национального развития* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков. М.: ЛИБРОКОМ/URSS. С. 210–276.
- Коротаев А. В., Халтурина Д. А., Божевольнов Ю. В. 2010. *Законы истории. Вековые циклы и тысячелетние тренды. Демография. Экономика. Войны*. М.: КомКнига/URSS.
- Коротаев А. В., Халтурина Д. А., Кобзева С. В., Зинькина Ю. В. 2011. Ловушка на выходе из ловушки? О некоторых особенностях политико-демографической динамики модернизирующихся систем. *Проекты и риски будущего. Концепции, модели, инструменты, прогнозы* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков. М.: Красанд/URSS. С. 45–88.
- Коротаев А. В., Ходунов А. С., Бутова А. Н., Малков С. Ю., Халтурина Д. А., Зинькина Ю. В. 2012. Социально-демографический анализ Арабской весны. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* 3: 28–76.
- Коротаев А. В., Цирель С. В. 2010а. Кондратьевские волны в мировой экономической динамике. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* 1: 189–229.
- Коротаев А. В., Цирель С. В. 2010б. Кондратьевские волны в мир-системной экономической динамике. *Прогноз и моделирование кризисов и мировой динамики* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий. М.: ЛКИ/URSS. С. 5–69.
- Малков А. С., Божевольнов Ю. В., Халтурина Д. А., Коротаев А. В. 2010. К системному анализу мировой динамики: взаимодействие центра и периферии Мир-Системы. *Прогноз и моделирование кризисов и мировой динамики* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий. М.: ЛКИ/URSS. С. 234–248.
- Малков А. С., Коротаев А. В., Божевольнов Ю. В. 2010. Математическое моделирование взаимодействия центра и периферии Мир-Системы. *Прогноз и моделирование кризисов и мировой динамики* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий. М.: ЛКИ/URSS. С. 277–286.
- Пляйс Я. 2009. Глобальные волны демократизации и их воздействие на Россию. *Демократия в современном мире*. М.: РОССПЭН.
- Руткевич П., Лауриер В., Гозина Д. 2001. Вызовы демократизации: перспективы политической трансформации в Восточной Европе. *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Политология 3: 57–65.
- Садовничий В. А., Акаев А. А., Коротаев А. В., Малков С. Ю. 2012. *Моделирование и прогнозирование мировой динамики*. М.: ИСПИ РАН.
- Тищенко С. М., Халтурина Д. А., Коротаев А. В. 2011. Социально-психологические особенности цивилизаций современного мира (по результатам проекта «Мировые ценности»). *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*. Т. 2. С. 379–410.
- Форрестер Дж. 1978. *Мировая динамика*. М.: Наука.
- Халтурина Д. А., Коротаев А. В. 2010. Системный мониторинг глобального и регионального развития. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*. Т. 1. С. 11–188.

- Халтурина Д. А., Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2010. (Ред.). *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*. Т. 2. М.: ЛКИ/URSS.
- Alker H. R., Sherman F. L. 1982. Collective Security-Seeking Practices Since 1945. *Managing International Crises* / Ed. by Daniel Frei. Beverly Hills, CA: Sage.
- Ayres R. W. 1997. Mediating International Conflicts: Is Image Change Necessary? *Journal of Peace Research* 34(4): 431–447.
- Bercovitch J., Houston A. 1996. The Study of International Mediation: Theoretical Issues and Empirical Evidence. In *Resolving International Conflicts: The Theory and Practice of Mediation* / Ed. by J. Bercovitch. Boulder, Colo: Lynne Rienner.
- Bercovitch J., Houston A. 2000. Why Do They Do It Like This? An Analysis of the Factors Influencing Mediation Behavior In International Conflicts. *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 44. No. 2. April. Pp. 170–202.
- Bercovitch J., Schneider G. 2000. Who Mediates? The Political Economy of International Conflict Management. 2000 *Journal of Peace Research* 37(2): 145–165.
- Bercovitch J. 1996a. Understanding Mediation's Role in Preventative Diplomacy. *Negotiation Journal* 12(3): 241–258.
- Bercovitch J. (ed.) 1996b. *Resolving International Conflicts: The Theory and Practice of Mediation*. Boulder, Co: Lynne Rienner, Pub. Pp. 11–38.
- Bercovitch J., Anagnoson J. T., Wille D. 1991. Some Conceptual Issues and Empirical Trends in the Study of Successful Mediation in International Relations. *Journal of Peace Research* 28: 7–17.
- Bercovitch J., Wells R. 1993. Evaluating Mediating Strategies: A Theoretical and Empirical Analysis. *Peace and Change* 18(1): 3–25.
- Bloomfield L. P., Leiss A. C. 1969. *Controlling Small Wars; A Strategy for the 1970's*. New York: Knopf.
- Bloomfield L. P., Moulton A. 1997. *Managing International Conflict*. New York: St. Martin's Press.
- Butterworth R. 1976. *Managing Interstate Disputes, 1945–1974*. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press.
- Carment D., Rowlands D. 1998. Evaluating Third-Party Intervention in Intrastate Conflict. *Journal of Conflict Resolution* 42(5): 572–599.
- FEWER=Forum on Early Warning and Early Response. 2008. *Forum on Early Warning & Early Response Handbook*. URL: http://cern.ch/cpr/Library/tools/EW-HandbookFinalEn_v2.3.pdf.
- Goldstone J. 1991. *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Goldstone J. 2002. Population and Security: How Demographic Change Can Lead to Violent Conflict. *Journal of International Affairs* 56(1): 3–22.
- Haas E. B. 1968. *Collective Security and The Future International System*. Denver: University of Denver.
- Haas E. B. 1986. *Why We Still Need the United Nations*. Berkeley, CA: Institute of International Studies.
- Haas E. B., Butterworth R. L., Nye J. S. 1972. *Conflict Management by International Organizations*. Morristown, N.J.: General Learning Press.
- Kaldor M. 1999. *New and Old Wars*. Stanford: Stanford University Press.
- Khaltourina D., Kobzeva S. 2010. Russia's Geopolitical Prospects under the Conditions of the Sociodemographic Crisis. *Sociological Research* 49(6): 19–35.
- Kondratieff N. D. 1935. The Long Waves in Economic Life. *The Review of Economic Statistics* 17(6): 105–115.

- Mooradian M., Druckman D. 1999.** Hurting Stalemate or Mediation? The Conflict over Nagorno-Karabakh, 1990–1995. *Journal of Peace Research* 36(6): 709–727.
- Sherman F. L., Neack L. 1993.** Imaging the Possibilities: The Prospects of Isolating the Genome of International Conflict from the SHERFACS Dataset / Ed. by R. L. Merritt, R. G. Muncaster, D. A. Zinner. *International event-data developments DDIR Phase II*. Ann Arbor: University of Michigan Press. Pp. 87–112.
- Trappl R. J., Fürnkatz J. P., Bercovitch J. 1997.** Machine Learning and CaseBased Reasoning. In *Learning, Networks and Statistics* / Ed. by G. D. Riccia, R. Kruse, H-J. Lenz. Vienna: Springer-Verlag.
- UNDP = United Nations Development Program 2006a.** *Human Development Report 2006*. URL: <http://www.undp.org/>
- UNDP = United Nations Development Program 2006b.** *Annual Report Global Partnership for development 2006*. URL: <http://www.undp.org/publications/annualreport2006/english-report.pdf0>.
- UNESCO Institute for Statistics 2002.** Literacy and Nondormal Education Sector. *Estimates and Projections of Adult Illiteracy for Population Aged 15 Years and Above, by Country and by Gender 1970–2015*. Paris.
- Wam P., Sardesai S. 2003.** *Conflict Analysis Framework. Conflict Prevention and Reconstruction Unit*. Washington, DC: World Bank. URL: www.worldbank.org/conflict.
- World Bank 2014.** *World Development Indicators Online*. Washington, DC: World Bank, Electronic version. URL: <http://data.worldbank.org/indicator>.
- Yakovets Y. 2006.** The Kondratieff's Waves and Cyclic Dynamics of the Economy and Wars: Theory and Prospects. *Kondratieff Waves, Warfare and World Security*. Amsterdam.